

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Эстетика раннего французского сюрреализма в лирике
Б. Поплавского: механизмы транскультурного взаимодействия**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студента 2 курса 251 группы
направления 45.04.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Муравьева Дмитрия Владимировича

Научный руководитель

профессор, д.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

_____

подпись, дата

И.Ю. Иванюшина

инициалы, фамилия

Зав. кафедрой

зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

_____

подпись, дата

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2024

ВВЕДЕНИЕ

В лирике Б. Поплавского, привлекающей все больший интерес отечественных и зарубежных исследователей, отчетливо заметен факт абсорбции теоретических идей и художественных практик ранних французских сюрреалистов, сформировавших систему сугубо эстетического мироощущения. Определяя сущность сюрреализма и его культурно-исторические предпосылки, мы опираемся на работы В. Пинковского, Т. Балашовой и Е. Гальцовой, согласно которым сюрреальное, сюрреальность выступают как понятия, «возникшие в группе Бретона на раннем этапе развития сюрреалистического движения и служившие для обозначения диалектики “мимесиса” и “изобретения”»¹. Кроме того, «сюрреалистический подход всецело опирается на всеобъемлющий и не поддающийся четкой “методологизации” принцип свободы»², а также «типологически относится к явлениям, противостоящим позитивистской культуре»³.

Еще при жизни Б. Поплавского многие его современники находили близость между ранним сюрреализмом и творчеством монпарнасца, например, Н. Татищев⁴, М. Слоним⁵, Ю. Иваск⁶ и др.. Позже, во второй половине XX и начале XXI веков, появились более обстоятельные филологические исследования этого аспекта литературной связи. О сюрреалистических истоках поэзии Б. Поплавского писали С. Карлинский⁷, Е. Менегальдо⁸, К.

---

¹ Гальцова, Е. Сюрреальное, сюрреальность / Е. Гальцова // Энциклопедический словарь сюрреализма. М. : ИМЛИ РАН, 2007. С. 458.

² Там же. С. 459.

³ Пинковский, В. Сюрреализм / В. Пинковский // Знание. Понимание. Умение. 2008. №1. С. 248.

⁴ Татищев, Н. Поэт в изгнании / Н. Татищев // Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / сост. и ред. Л. Аллен, О. Гриз; предисл. Л. Аллена. СПб. : Logos, 1993. С. 100–108.

⁵ Слоним, М. Молодые писатели за рубежом / М. Слоним // Там же. С. 171–174.

⁶ Иваск, Ю. Возрождение Бориса Поплавского / Ю. Иваск // Там же. С. 159–161.

⁷ Karlinsky, S. Surrealism in Twentieth-Century Russian Poetry : Churilin, Zabolotskii, Poplavskii / S. Karlinsky // Slavic Review. 1964. №4. P. 605–617.

⁸ Менегальдо, Е. Поэтическая вселенная Бориса Поплавского / Е. Менегальдо. СПб. : Алетей, 2007. 284 с.

Ичин⁹, А. Чагин¹⁰, О. Савинская¹¹, Л. Ливак¹² и др.. К недавним относятся работы Н. Мильковича¹³, Н. Лапаевой¹⁴, Л. Прадивлянной¹⁵ и др..

Вопрос о значении эстетики раннего сюрреализма для лирики Б. Поплавского остается по-прежнему дискуссионным. Современные филологи, используя различные исследовательские подходы, приходят к выводу о существенном влиянии на становление идиостиля Б. Поплавского как отечественных, так и западных литературных традиций. Однако их наблюдения полностью не исчерпывают интересующего нас аспекта, поскольку, как правило, ограничиваются рассмотрением позднего творчества Б. Поплавского.

На наш взгляд, определение места эстетики сюрреализма в лирике Б. Поплавского путем комплексного и всестороннего анализа как ранних, так и поздних его произведений может способствовать формированию более полного и целостного представления о творчестве одного из самобытнейших русских поэтов XX в. С этим связана **актуальность и научная новизна** работы, которая базируется на синтезе принципов структурно-семантического, аналитико-интерпретационного, культурно-исторического, биографического и сравнительно-типологического **методов**.

---

⁹ Ичин, К. Илья Зданевич – адресат стихов Бориса Поплавского / К. Ичин // Дада по-русски. Белград : Изд-во филол. факульт. Белградского университета, 2013. С. 156–170.

¹⁰ Чагин, А. Поплавский Борис Юлианович / А. Чагин // Энциклопедический словарь сюрреализма. М. : ИМЛИ РАН, 2007. С. 384–387.

¹¹ Савинская, О. Генезис лирики Б. Поплавского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Савинская. Кострома, 2012. 24 с.

¹² Livak, L. The surrealist compromise of Boris Poplavsky / L. Livak // The Russian Review. 2001. №1. P. 89–108.

¹³ Милькович, Н. Поэтическое искусство Бориса Поплавского: дис. канд. ... филол. наук / Н. Милькович. Белград, 2021. 256 с.

¹⁴ Лапаева, Н. Борис Поплавский и сюрреализм : опыт «автоматического» письма / Н. Лапаева // Дергачевские чтения. 2002. Русская литература : национальное развитие и региональные особенности : материалы VI всерос. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 284–290.

¹⁵ Прадивлянная, Л. Автоматические стихи Бориса Поплавского / Л. Прадивлянная // Сб. науч. труд. по лингвистике и языкознанию. Киев : Изд-во Киев. нац. пед. ун-та им. М. П. Драгоманова, 2017. С. 116–124.

В качестве **объекта** исследования были взяты произведения из трех поэтических книг Б. Поплавского: «Дирижабль неизвестного направления» (1924–1929), «Флаги» (1928–1929) и «Автоматические стихи» (1931), поскольку именно в них кристаллизуются наиболее характерные трансгрессивные черты дада-сюрреалистской эстетической системы. Источником художественных текстов послужило собрание сочинений Б. Поплавского в трех томах под редакцией А. Богословского и Е. Менегальдо (2009), а также недавно вышедшее под редакцией С. Кудрявцева издание «Дирижабль осатанел» (2023), посвященное периоду «русского дада» Б. Поплавского, с важными текстологическими правками и уточнениями.

Цель работы – исследовать роль эстетики раннего французского сюрреализма и особенностей ее преломления в лирике Б. Поплавского.

Задачи работы:

- 1) выявить сущность и генезис «автоматического письма» Б. Поплавского;
- 2) рассмотреть специфику воплощения галлюцинаторно-сновидческого дискурса в поэзии Б. Поплавского;
- 3) проанализировать формы выражения авторского сознания в стихотворениях Б. Поплавского.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех теоретико-аналитических глав, заключения и приведенного в алфавитном порядке списка использованных источников, насчитывающего 77 библиографических единиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «**Автоматическое письмо Б. Поплавского: речевые маркеры и способы текстовой репрезентации**» рассмотрен феномен «автоматического письма» с опорой на теоретические положения и наблюдения Ю. Тынянова, Т. Балашовой, В. Большакова, И. Куликовой, И. Кулик, Ж. Шенье-Жандрон, Э. Стерьепулу, М. Риффатера и сделан вывод о том, что в эстетическом аспекте «автоматизм» сюрреалистов избавлял Б. Поплавского от диктата устоявшихся литературных канонов, легитимировал

языковое экспериментирование и композиционную вольность, давал безграничный простор в области поэтической образности.

Первые попытки применения Б. Поплавским «автоматического письма» мы находим в книге «Дирижабль неизвестного направления». Подобно сюрреалистам, поэт в нескольких стихотворениях полностью избавляется от пунктуации, традиционной рифмы и привычной строфики. Устойчивыми для эстетики раннего сюрреализма чертами являются демонстративная жестокость и эротизм, установка на реакцию культурного шока и физиологического отвращения, как, например, в стихотворении «Идеальное меню». Частотен в лирике монпарнасца и характерный для сюрреализма прием прозопопеи, когда статичные предметы материального мира наделяются качествами одушевленных существ. В стихотворении «Человекоубийство» внезапная «осатанелость» музыкального инструмента, отсылающая не только к сюрреализму, но и к русскому футуризму в лице В. Маяковского, представлена метафорически – актом животной агрессии «рояля». Более мягкий по содержанию и более сюрреалистический по форме пример прозопопеи встречается в «автоматическом цикле», где Б. Поплавский наделяет антропоморфными чертами («огромные головы», «красивые руки») и психосоматикой («сладко спят») единицу времени («дни»), тем самым очеловечивая и мифологизируя ее, что вполне соотносимо как с сюрреалистической, так и с хлебниковской традицией.

Во «Флагах» в стихотворении «Римское утро» античные и библейские образы («сенатор», «Христос») погружаются Б. Поплавским в современный контекст с его техноцентризмом («автомобиль», «аэроплан»), в результате чего преодолеваются логические и пространственно-временные условности. Парадоксальное соединение двух взаимоудаленных измерений происходит за счет наложения друг на друга исторических реалий.

В «Автоматических стихах» прием коллажирования становится определяющим. В 7-ом стихотворении сборника гибридный и абстрактный локус неба, моря и индустриального ландшафта резко переходит в локус

конкретной европейской страны («Голландии»), а в 72-ом «автоматическом» стихотворении «гранитные горы» необъяснимым образом поворачиваются на «железных рельсах», рождая мотив спонтанного движения.

Встречаются в «Автоматических стихах» и элементы сюрреалистического саспенса. Так, в произведении «О колокола» прослеживается мотив сюрреальной лиминальности («из комнаты в комнату вхожу»), иллюзорности всего происходящего («и сон за мной»). На уровне мелодики заметна ориентация не только на «автоматическую» манеру письма французов, но и на узнаваемый ритмико-интонационный рисунок В. Маяковского.

Таким образом, заимствованное у сюрреалистов «автоматическое письмо» позволяет Б. Поплавскому более свободно обходиться с текстовым материалом, нарушать читательские ожидания и не замыкать собственную поэтику в рамках одного течения или одной лирической традиции. В стихотворениях Б. Поплавского автоматизм письма исключает автоматизм речи и, шире, автоматизм культуры.

Во второй главе «Галлюцинаторно-сновидческий дискурс в поэзии Б. Поплавского: предпосылки и художественная реализация» рассматривается специфика воплощения онирического дискурса в лирике Б. Поплавского в свете эстетики сюрреализма. Опираясь на теоретические исследования художественной онейросферы Ю. Лотмана, В. Топорова, А. Якимовича, Е. Домарацкой, К. Абастадо, П. Стокуэлла, А. Балакян, Л. Андреева, Н. Мильковича, мы приходим к выводу о том, что «автоматическое письмо» у Б. Поплавского, как правило, предваряется погружением условного скриптора в гипнагогические или сомнамбулические состояния, поскольку только лишенное контроля со стороны разума сознание – т.е. бессознательное – способно увидеть внутри себя «сказочную структуру» сюрреальности и попытаться ее выразить при помощи языковых средств.

Признаки галлюцинаторно-сновидческого дискурса, конденсирующего сюрреальную образность, обнаруживаются в «Дирижабле неизвестного

направления», где «сон» поэта ассоциативно сравнивается с кинематографом. С галлюцинаторно-сновидческим дискурсом в лирике Б. Поплавского коррелирует акватическая тематика, символизирующая скрытые пласты человеческой психики. Ступение акватической образности обнаруживается в стихотворении Б. Поплавского «Вода вздыхала и клубилась тихо», где, кроме устойчивых признаков эстетики сюрреализма (развернутой метафорики, гротеска, пространственных смещений и разреженности лирического субъекта), прослеживаются и реминисценции к поэтическому наследию Е. Боратынского, часто использовавшего мотив сна для обоснования элементов автотанатологии и фантастики в собственной поэтике.

Более отчетливо галлюцинаторно-сновидческий дискурс проартикулирован Б. Поплавским в сборнике «Флаги». В стихотворении «Вспомнить – воскреснуть» путь к глубинам сна воспринимается как сошествие в Аид или Тартар («спустились под землю по трапу», «по огромному черному скату»). Более умиротворенная картина грезы и ее разрешения обнаруживается в произведении «Розовый час проплывал над светящим миром», где автором проведена четкая грань между состоянием сна и состоянием бодрствования, которая в момент забвения или пробуждения делается проницаемой.

Наиболее последовательную реализацию галлюцинаторно-сновидческого дискурса в лирике Б. Поплавского мы находим в «Автоматических стихах», в которых погружение в мир грез сравнивается с путешествием к сокрытым недрам. Гипнагогия становится отправной точкой «автоматического цикла» Б. Поплавского, что позволяет интерпретировать все последующие стихотворения как своего рода колебания семиотического поля сна. Тотальностью галлюцинаторно-сновидческого дискурса Б. Поплавский в некоторой мере предвосхищает более позднюю сюрреалистическую концепцию «объективного случая». В его «сновидных» сюрреалистических стихотворениях переплетаются литература («Анна Каренина»), мифология («женщины в шальях» как аллюзия к образам древнеримских богинь судьбы) и

по-блоковски страшный бытовой мир («лазарет» и «мертвый солдатик»). Кроме того, Б. Поплавский использует потенции онейросферы для актуализации эсхатологических и экзистенциальных мотивов. В 70-ом «автоматическом» стихотворении утомлённый «иностранец», впадая в сказочный летаргический сон, подобно лирическому герою М. Лермонтова, физически и духовно растворяется в несовершенстве созданного им поэтического мира.

Таким образом, перенимая у сюрреалистов технику коллажа и принципы моделирования гипнагогического транса, Б. Поплавский видоизменяет и адаптирует их для более достоверной передачи глубоко интимных переживаний и экстатических впечатлений. За счет сновидческой мотивики структура его стихотворений приобретает устойчивость и гибкость, насыщается индивидуально-авторской символикой и ассоциативностью, что ставит поэта в один ряд не только с сюрреалистами, но и отчасти романтиками.

В третьей главе «Лирический сюрсубъект Б. Поплавского: специфика выражения авторского сознания» рассматриваются особенности субъектной организации близких к эстетике сюрреализма стихотворений Б. Поплавского. С опорой на теоретические положения Б. Кормана, С. Белокуровой, Е. Домарацкой, А. Мартынюка, Ж. Шенье-Жандрон, П. Стокуэлла, И. Подгаецкой, П. Бюргера, Н. Мильковича, К. Абастадо исследуется вопрос о степени отражения подлинного авторского «Я» в поэтическом тексте. Следуя бретоновскому тезису о недопустимости в настоящей поэзии использования «масок», Б. Поплавский относит к наиболее «правдивым» литературным жанрам «частное письмо, дневник и психоаналитическую стенограмму», поскольку они располагают к максимальному сокращению дистанции между биографическим автором и субъектом речевого акта.

В субъектной организации «Дирижабля неизвестно направления» происходит актуализация характерной для романтизма и декаданса темы двойничества, воплощенной в оппозиции лирического героя и преследующего

его с ранних лет таинственного незнакомца («Сентиментальная демонология»). Довольно часто встречаются в ранней лирике Б. Поплавского примеры гротескных метаморфоз, которые претерпевает лирический герой. Как правило, такие превращения сопровождают тему смерти, что придает всему происходящему оттенок парадоксальности и сюрреалистичности («Морской змей»). Чувство сверхличной вневходимости передает поэтическая фактура «Флагов». Как правило, в стихотворениях этого сборника лирический субъект изначально имплицитно вписывается в саму художественную ткань поэтического мира. В стихотворении «Последний парад» сказочная витальность пронизывает все действие сюрреального шествия, в котором принимают участие и «фантастические колесницы», и «мюзик-холлская труппа», и «детский эскорт». Подобно сюрреалистам, Б. Поплавский видит в «детскости» один из наиболее продуктивных типов художественного сознания, благодаря которому «солнце» вполне может оказаться «голубым» (««Скоро выйдет солнце голубое»»).

В «Автоматических стихах» Б. Поплавский в качестве порождающего «сюрреальность» психического центра использует ментальность «безумца» или «варвара». В 75-ом стихотворении цикла чистую эмоционально-психологическую силу творчества символизирует образ «сумасшедшего солнца», заточенного в каменную пустыню рассудка. Образ «варвара» («иностранца»), поведение которого трудно соотносимо с общепринятыми нормами, завершает «автоматический» сборник. В качестве формально-содержательного выразителя концепта «дикаря среди богатств культуры» в лирике Б. Поплавского выступает и образ отшельника – один из инвариантов автоаллюзии, которая вбирает и аккумулирует религиозный подтекстовый пласт. Ту же духовно-религиозную семантику несут в себе образы «бродяги» и «философа-узника». Ведение лирического сюжета от первого лица – явление для «Автоматических стихов» довольно редкое. Местоимение «Я» в поэтической вселенной Б. Поплавского нередко приобретает контекстуальные значения, соотносимые с темой неприкаянности и покинутости, отсылая к

литературным традициям скорее А. Рембо или Бодлера, нежели сюрреалистов. Эмоциональный настрой тех «автоматических» стихотворений, в которых используется местоимение «мы», напротив, можно определить, как светлую печаль, благодатную тоску по древнему, некогда объединявшему всех началу. В конечном итоге проблематика внутренней самоидентификации и творческой искренности приобретает у Б. Поплавского в 128-ом стихотворении оттенок христианского смирения, поэтической аскезы в духе В. Жуковского или Ф. Тютчева.

Таким образом, несмотря на многофакторность субъектной организации лирики Б. Поплавского, в ее основе обнаруживаются две противоположные тенденции – центристическая и центробежная. С одной стороны, Б. Поплавский, подобно романтикам и «проклятым поэтам», ищет и разрабатывает наиболее непосредственные формы выражения индивидуальных духовно-психологических впечатлений с целью окончательного разрешения дихотомии созидющего и созидаемого, а с другой – намерен по-сюрреалистски нивелировать всякое проявление субъективной воли в ничейном локусе бессознательных грез или безумия. Именно между двумя этими крайностями звучит то надрывный, то затухающий голос поэта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав в свете эстетики раннего французского сюрреализма различные функционально-стилистические аспекты и структурные уровни стихотворений из трех поэтических книг Б. Поплавского «Дирижабль неизвестного направления» (1924–1929), «Флаги» (1928–1929) и «Автоматические стихи» (1931), мы можем сделать вывод о том, что поэт, находясь в деятельном и непрерывном диалоге как со своими предшественниками, так и современниками, адаптирует их идеи и открытия под собственные художественные задачи.

У представителей бретоновской группы Б. Поплавский заимствует технические приемы и смысловые концепты, которые позволяют ему в рамках

единого стихового пространства сблизить или органично соединить литературную классику и экспериментальную психиатрию, оккультные практики и религиозный опыт, кинематограф и античную философию.

Во-первых, используя возможности «автоматического письма» сюрреалистов, Б. Поплавский концентрирует в рамках малых лирических форм целую россыпь оригинальных средств выражения поэтического содержания. Семантическая заумь, гротескные превращения и фантазмагория, пространственно-временные и категориально-видовые парадоксы, оксюморонность и гиперболизация позволяют поэту добиться желаемого эффекта «ошеломления», посредством которого преодолевается рецептивный «автоматизм», что роднит лирику Б. Поплавского с поэтическим наследием не только французского сюрреализма, но и отечественного футуризма.

Во-вторых, особое место в лирике Б. Поплавского занимает галлюцинаторно-сновидческий дискурс, который санкционирует использование принципов «автоматического письма» в поэтическом искусстве. Гипнотический транс, сомнамбулизм и грезы становятся проводниками в сферу бессознательного, откуда постепенно выплывает сюрреалистическая «ошеломляющая образность» и материализуется на листе бумаги в виде оформленного художественного высказывания. Кроме того, семантика онейросферы сопряжена у Б. Поплавского с танатологическими мотивами и восприятием сна как пророческого сообщения, которое отсылает к более ранним романтическим воззрениям на природу сновидений.

В-третьих, романтико-сюрреалистские тенденции ощутимы в лирике Б. Поплавского и на уровне форм выражения авторского сознания. Лирический субъект предстает в подавляющей части стихотворений либо в качестве страдающего героя-отшельника, либо в трудноопределимом формате ускользающего общечеловеческого «мы», либо вовсе растворяется в гуще сказочных видений и фантазмов. Вооружившись «автоматическим письмом» и моделируя с его помощью ментальности ребенка, дикаря и безумца, Б. Поплавский будто ощупью пробирается через перипетии сновидческого

мира к некоему внутреннему сверхличному началу, чтобы оттуда вести свою имперсональную художественную речь.

Таким образом, мы констатируем, что эстетика раннего французского сюрреализма является в лирике Б. Поплавского вовсе не данью поэтической моде начала XX века, а глубоко отрефлексированным, освоенным и модернизированным структурно-смысловым компонентом всей его художественной системы.